

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: МНОГОПАРАМЕТРАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

Е. В. Переверзев, Е. А. Кожемякин

Белгородский государственный университет

Аннотация: В работе рассматривается проблематика современных исследований политического дискурса в междисциплинарной среде. Характеризуются основные проблемы, связанные с выработкой качественных методологий исследования политического дискурса в современных гуманитарных науках. Одним из путей решения данных проблем предлагается применение авторской многопараметральной модели политического дискурса, позволяющей исследовать данный феномен с учетом всего многообразия методологических инструментов междисциплинарной сферы.

Ключевые слова: политический дискурс, политическая коммуникация, моделирование дискурса, дискурс-анализ.

Abstract: The article comprises a multi-parametric model of political discourse, which elaboration would help solving a set of methodological problems dressed in modern discourse studies. The described model is a system of parameters which are theoleological, ontological, gnoseological, linguistic, textual, contextual, communicational. Diagnosing the parameters values leads to evaluation of political enouncements and texts with the object of their functional and pragmatic coordination. The model also allows to study political discourse, using the methodologies of cross-disciplinary field.

Key words: political discourse, political communication, modeling of discourse, discourse-analysis.

Классический подход к изучению политических отношений, как известно, базировался на выявлении объективных условий и процессов реализации отношений доминирования-подчинения. При этом предполагалось, что базовые категории анализа — «власть», «политические отношения», «доминирование», «принуждение» — выражает не что иное, как *реально существующие* объекты и *объективные* связи между ними. Иными словами, полагалось, что власть всегда «уже есть», а задачей исследователя является обнаружить фактические условия ее реализации; политические отношения полагались как существующие независимо от нашей воли и нашего сознания (Маркс, Парето, Бюрдо, Арон). Современные (так называемые «неклассические» и «постнеклассические») исследования политического дискурса (Делез, Гваттари, Жижек, Ван Дейк, Водак, Фэрклоу), развившись в контексте характерного для современных социально-гуманитарных наук отказа от классических моделей анализа отношений доминирования и подчинения, сфокусировали свое внимание на семиотико-языковом и прагматическом аспектах предмета исследования. Собственно, сам предмет изучения также изменился: был осуществлен перенос исследовательского акцента с объективных (тракуемых в «эссенциалистском» ключе) условий и механизмов производства, воспроизводства и перераспределения властных отношений на выявление их дискурсивной организации, то есть семиотического по-

тенциала языка политики в отношении конструирования реальности и действительных отношений. Политика и политические отношения трактуются теперь не как «объективно заданные» сущности, но как конструкты, созданные на основе «молчаливого согласия» людей считать их реально существующими. Более того, политика, власть и властные отношения трактуются как эффект их означивания: для того, чтобы власть стала реальной, она должна быть «названа», «обозначена» и «проговорена»; само «называние», «обозначение» и «проговаривание» власти трактуется сегодня в теории дискурса как собственно ее реализация. Например, по мнению Нормана Фэрклоу и Рут Водак, заявить о власти — значит осуществить власть, а это свидетельствует о ее перформативном характере [9, 14].

Экспансия дискурсивной аналитики в политических исследованиях закономерно сопровождается рядом трудностей методологического и терминологического характеров. Так, в частности, существует недопонимание относительно цели изучения политического дискурса. Исследователи часто основываются на методологических предписаниях к изучению дискурсивного поля, выработанных Мишелем Фуко как ключевой фигурой современных дискурсивных аналитик и автора «археологического» метода анализа систем знания [6, 7, 10, 11, 13]. Однако, при этом зачастую пренебрегают тем фактом, что фукианская модель дискурс-анализа была разработана и применима преимущественно в отношении концепции абсолютизированной власти в глобальных системах знания или в отношении

цивилизационных эпох и присущих им дискурсных формаций. Иными словами, фукианская модель анализа дискурса как континуального образования зачастую применяется для анализа дискретных явлений (событий, ситуаций, локальных контекстов), что, на наш взгляд, не вполне адекватно цели «археологического» анализа дискурса, каковой является обнаружение исторических принципов появления и распространения текстов определенного типа. Кроме того, многие постмодернистские теории, часто преувеличивают роль контекста политического дискурса, что препятствует обнаружению закономерностей воспроизводства дискурса и, как следствие, построению общей теории дискурса.

Еще одной проблемой современного дискурс-анализа является в известной степени оформившееся рассогласование между его теорией и практикой. Стремительное развитие современной науки о дискурсе привело к чрезмерному ее насыщению эмпирическим материалом: на сегодняшний день накоплен значительный комплекс данных эмпирических исследований, которые сложно обобщить средствами универсальной теории. Собственно, речь идет именно о необходимости создания такой обобщающей данные междисциплинарных исследований теории.

Наконец, анализ политического дискурса представляется необходимым не только в целях обнаружения акторов и условий дискурса, но и также и для анализа его места и роли в сфере общественных институтов [1]: если целью политики является перераспределение властных отношений, то необходим анализ «сотрудничества» политики как института с педагогикой, медициной, наукой, юриспруденцией. Для решения этой задачи очевидна необходимость комбинации подходов и моделей изучения политического дискурса, а также построение многопараметральной модели дискурса, что в свою очередь позволит определить его спецификацию и осуществить компаративный анализ различных институциональных дискурсов, в том числе — политического.

Не достаточно ясное или противоречивое представление о содержании понятия «дискурс» даже в среде дискурс-аналитиков приводит зачастую к различным эмпирическим результатам и создает поле множества их интерпретаций. Очевидно, что это связано не только с междисциплинарным характером предмета исследования (дискурс полагается в качестве предмета лингвистических, социологических, философско-культурологических, семиотических, психологических и даже антропо-

логических исследований), но и со сложной, многоаспектной природой самого дискурса [2].

Итак, выделим основные «лакуны» современного знания о дискурсе. Во-первых, это поиск стратегий приложения разработанных и апробированных методологий к анализу конкретного эмпирического материала. Во-вторых, распространенной становится противоположная ситуация, при которой богатый объем эмпирических знаний сложно интерпретировать существующими теоретическими средствами. В-третьих, ощущается необходимость в междисциплинарном подходе к анализу институциональных дискурсных практик.

Все вышеперечисленные трудности в полной мере осознаются современными исследователями дискурса, что ставит перед ними ряд принципиальных задач, среди которых: междисциплинарная консолидация в дискурсных исследованиях; создание унитарного, устраивающего всех определения дискурса и выделение ряда его ключевых параметров; создание методологической базы для анализа совместимости дискурсов различного типа в сфере общественных отношений; построение общей теории дискурса, которая смогла бы объединить в себе все более специализированные теории.

Попытки решить эти задачи, к сожалению, немногочисленны в современной науке. На наш взгляд, наиболее бурные научные дискуссии и наиболее ощутимые научные результаты наблюдаются в настоящее время в сфере исследований политического дискурса. Так, в отношении последнего на сегодняшний день определились, как минимум, две тенденции к его изучению.

Первая, сторонниками которой являются представители так называемого «критического дискурс-анализа» (КДА) [9, 13, 14], основывают свои взгляды на трактовке политического дискурса как однозначно экстралингвистического феномена, в котором его социальные, политические и культурные характеристики подчиняют себе языковые. Сторонники критического дискурс-анализа (Ван Дейк, Водак, Фэрклоу, Лаклау, Муфф) усматривают основную задачу современных исследований в выработке такой научной модели, которая позволила бы преодолеть излишнюю концентрированность КДА на лингвистических аспектах анализируемых дискурсов и выйти, по словам Рут Водак, «на теоретическую модель, способную объединить социологические, когнитивные и лингвистические категории» [14; 181]. В частности, в работе «Mediation between discourse and society: assessing cognitive approach in CDA» Р. Водак отмечает:

«сложные взаимоотношения между дискурсом и обществом не могут быть адекватно описаны без объединения лингвистических и социологических подходов (*перевод наш, Е.П., Е.К.*)» [14; 181].

Вторая тенденция изучения политического дискурса связывается с собственно лингвистическим подходом к предмету анализа. Контекст реализации политического языка и политического текста трактуется как во многом производное от языкового содержания дискурса: семантико-синтаксические структуры, по мнению представителей этого подхода, принуждают людей совершать определенные поступки, формулировать определенные взгляды и строить определенные отношения. Очевидно, что в рамках такого подхода акцент безусловным образом ставится на риторических (персуазивных, суггестивных) функциях языка политики [1, 7, 8, 11].

Во многом эти две исследовательские стратегии дополняют друг друга и в определенном смысле не могут реализовываться самостоятельно, изолированно друг от друга. На наш взгляд, то, что действительно может препятствовать такого рода консолидации — это отсутствие сколь бы то ни было строгой модели политического дискурса.

Предварим дальнейшие рассуждения терминологическими пояснениями. В нашем понимании *дискурс* — это произведенная в определенных исторических и социальных рамках, особым образом организованная и тематически сфокусированная последовательность высказываний, рецепция которых способна повлиять на модели субъективного опыта человека, его внутреннюю репрезентацию мира, убеждения и поведение.

Обратим наше внимание на то, что дискурс представляет собой, с одной стороны, именно *последовательность* высказываний, а не их статическую структуру и, с другой стороны, эта последовательность *обусловлена* как внутренними, так и внешними факторами. Мы акцентируем внимание на динамической и нормативной сторонах дискурса; последний представляет собой не столько результат человеческой деятельности, сколько саму деятельность; не столько структуру высказываний, сколько предписания к их структурированию в определенных условиях.

В соответствии с выше приведенным определением дискурса, *политический дискурс* мы будем понимать как произведенную в определенных исторических и социальных рамках институционально организованную и тематически сфокусированную последовательность высказываний, рецепция

которых способна поддерживать и изменять отношения доминирования и подчинения в обществе.

Итак, одна из основных задач научной теории дискурса — построение многопараметральной модели дискурса, представляющей собой систему коррелятивных параметров этой деятельности. Подобная модель должна представлять собой, по нашему мнению, многоаспектный и многопараметральный феномен, поскольку дискурс — это многослойное, многоуровневое и многофакторное явление — языковое, речевое, психическое, когнитивное, социальное. Поэтому решение задачи построения модели предполагает осуществление комплексного (междисциплинарного) исследования методами и средствами лингвистики, семиотики, теории речевой коммуникации, когнитивистики, социологии, теории аргументации, логики, методологии и философии языка.

Исходя из проанализированного множества определений дискурса (что могло бы стать предметом отдельной статьи), мы считаем релевантными дискурсу следующие аспекты его анализа:

а) синтаксические и стилевые характеристики языка дискурса;

б) семантика языка дискурса (способы связи знаковых форм языка дискурса с их предметными значениями, связи языковых выражений по их смысловому содержанию);

в) прагматика дискурса (типологические характеристики возможных адресатов (реципиентов) и адресантов (авторов) дискурса, разновидности его коммуникативных стратегий и тактик, цели и задачи речевых актов);

г) дискурсная рефлексия (наличие двух уровней языка: высказывания об объектах внетекстовой, экстралингвистической реальности — предметный дискурс, и высказывания о языке, тексте, смысловом и предметном содержании — метадискурс).

Мы полагаем, что указанные аспекты специфицируются в следующих параметрах и значениях дискурса:

- телеологический параметр дискурса;
- онтологический параметр дискурса;
- гносеологический параметр дискурса;
- языковой параметр дискурса;
- текстовой параметр дискурса;
- контекстный параметр дискурса;
- коммуникативный параметр дискурса.

Позволим себе кратко охарактеризовать существенное содержание параметров.

Телеологический параметр политического дискурса включает в себя цели дискурса как выраже-

ние его функциональности. В свете отношений распределения власти, запрета, регуляции и побуждения основными функциями политического дискурса становятся информирующая, инструментальная, нормирующая, легитимирующая и прогнозирующая. Рассмотрим их подробнее.

Информирующая функция политического дискурса реализуется на основе институционального взаимодействия между дискурсами политики и СМИ. В этой связи актуализируется информационная языковая онтология политического дискурса, который стремится к постоянной объективации своих информационных элементов. Проекция информационного поля дискурса на аудиторию, осуществляемая в основном посредством СМИ, является в данном случае первичным необходимым условием процесса инкорпорирования власти. Процесс информирования, таким образом, является не только функцией политического дискурса, но и необходимым условием поддержания властных отношений в обществе. Основу процессов информирования как одновременно задачи и формы онтологической реализации политического дискурса составляет инструментальная функция.

Данная функция обеспечивает механизмы информационного воспроизводства политического дискурса в обществе, ее основу составляют взаимоотношения между властью и СМИ. Сущность этих взаимоотношений заключается в том, что власть постоянно стремится к тотальному подчинению СМИ для обеспечения такой формы воспроизводства политической информации, которая обеспечивала бы максимальную стабильность политического status quo. В свою очередь СМИ оказывают значительное влияние на политический дискурс, обладая на сегодняшний день практически монопольным правом на реализацию его инструментальных функций и, следовательно, обладая инструментами для поддержания и изменения соотношения политических сил в обществе. Функции нормирования, легитимации и прогноза представляют собой центральные элементы властных взаимоотношений в социуме. Нормирование и контроль, выражаемые, в том числе, и в легитимном праве на ограниченное насилие представляют собой центральный элемент содержания государственной политики, и, следовательно, выражают одну из сущностных характеристик государственной власти.

Еще одной важной чертой функции нормирования является распределение ресурсов — важнейший элемент содержания отношений доминирования-подчинения в обществе.

Функции легитимации и прогноза относятся к разряду функций, обеспечивающих поддержание и воспроизводство властных отношений в формах адекватных характеру данной власти. В этой связи целесообразно отметить институциональное сходство политического дискурса с религиозным — оба осуществляют внутрискурсную связь между прошлым, настоящим и будущим, обеспечивая поддержание определенных отношений в обществе.

Рассмотрение телеологической векторности политического дискурса демонстрирует его производительную природу, при которой дискурс не столько воспроизводит структуры окружающего мира, сколько производит *власть* в ходе процессов специфической актуализации языка. Слово актуализируется внутри политического дискурса и приобретает, таким образом, предметную природу.

Онтология политического дискурса формируется на основе властных отношений и их агентов внутри дискурса. Особую важность при этом, приобретает свойственная политическому дискурсу референциальная девиация. В результате воздействия данного фактора такие типичные социальные составляющие, как политические отношения, сообщества, агенты, традиции, нормы и ритуалы акцентуализуются непосредственно в ключе отношений доминирования и подчинения, формируя, таким образом, специфику институциональности политического дискурса [8].

Гносеологический параметр содержит аргументацию, способы познания и логические механизмы в политическом дискурсе. Одной из его основных черт является характерная неverifiedируемость суждений. Речь идет о намеренном использовании в текстах политического дискурса таких аргументативных схем, которые бы отвечали задачам воздействия не на разум, а, в первую очередь, на эмоции реципиента. Основными типами аргументации в политическом дискурсе являются аргументы к традициям, общепризнанным авторитетам, к социокультурным ценностям, историческим примерам. Такой аргументации свойственна также особая эмоциональность.

Что касается языка политики, то присущая ему семантическая неопределенность, идеологическая полисемия, структурно-семантическая латентность, направленность на эмоциональное воздействие, фидеистичность, агональность и псевдо-диалогичность (когда сформированные в диалогическом ключе тексты являются по сути монологами) демонстрируют его принципиальную прагматическую ориентированность на достижение результатов

связанных с перераспределением сил в процессе борьбы за власть. Язык политического дискурса представляет, таким образом, основное средство манипулирования в политической среде.

Одной из основных особенностей текстов политического дискурса является характерное многообразие текстовых видов и форм. Данная особенность, несомненно, подтверждает гипотезу о речевой коммуникативной природе политического дискурса. Проговаривание политических текстов влечет за собой инкорпорирование и объективацию власти и приводит к социальным последствиям в форме отношений доминирования-подчинения в обществе. Корпус текстов политического дискурса формируется, таким образом, на основе широкого набора нормативных, референциальных, нарративных и дескриптивных смысловых единств.

Контексты политического дискурса образуются за счет прецедентных текстов, которые создают необходимые условия для протекания процессов воспроизводства власти на основе эффекта узнавания. Кроме того, особую роль в формировании контекстов политического дискурса играют СМИ, создающие эффекты дистанцированности и театральности в дискурсе [8; 59]. Институциональная специфика контекстов политического дискурса создается, в том числе, и за счет снижения роли хронотопов, что создает определенный онтологический контекст, в рамках которого проявляются такие свойства дискурса, как фидеистичность и эзотеричность [8; 53].

Коммуникативный параметр политического дискурса включает в себя элементы сферы (институционализованного семиотического пространства, внутри которого происходят коммуникативные процессы), институционализованную систему отношений между агентами коммуникации, а также стратегию институционализации общения в рамках политического дискурса. Подобная стратегия реализуется посредством массовости коммуникации, размытости границ коммуникативного пространства, фантомности коммуникативных элементов и других прагматических приемов инкорпорирования власти.

Предлагаемая в данной статье модель институционального дискурса представляет собой аналитический инструмент, который можно использовать при решении целого ряда задач.

Во-первых, это анализ форм презентации субъектов института, то есть тех способов семиотического выражения участников института, которые закреплены, распространены и признаются в ка-

честве необходимых в институциональных границах (например, обращение президента к гражданам, выступление оппонентов на защите диссертации или объявление учителем оценок классу).

Во-вторых, это изучение дискурсивных способов социальной дифференциации, то есть распространенных и закрепленных в коммуникативно-языковом пространстве способов воспроизведения и создания различий между группами (например, специальная институциональная лексика — «двоечники», «одаренные студенты», «коррупционированные чиновники»).

В-третьих, это исследование процессов означивания и легитимации значения тех или иных общественных отношений (например, законотворческая практика или научная диагностика).

В-четвертых, это квалификация дискурса, уточнение (или обнаружение) его специфических (жанровых) свойств, что важно в контексте отличия одного типа дискурса от другого (например, науки от идеологии).

И, наконец, в-пятых, это сравнение дискурсов различного типа на предмет их (не)противоречивости и (не)совместимости.

Первые три задачи предполагают анализ процесса конструирования и реконструирования института. Этот процесс мы понимаем как исключительно дискурсивный, то есть такой, в котором семиотическая деятельность может «замыкаться» на себе самой (что наиболее очевидно в политическом дискурсе, где единственно значимой и важной деятельностью является именно создание и распространение высказываний, порождающих другие высказывания и т.д.) или вести к появлению соответствующих действий (то есть тех, которые постулируются самим дискурсом — таковы, например, законы в юридическом дискурсе, образовательные и воспитательные программы в педагогическом дискурсе, социальные проекты и программы в политическом дискурсе, предписания и рецепты — в медицинском). Эффектом этого дискурсивного процесса является производство определенных социальных, экзистенциальных и прочих смыслов.

Очевидно, что столь сложный предмет анализа, как институциональный дискурс, не может быть рассмотрен исключительно в одной параметральной плоскости (например, «адресат — адресант» или «текст-контекст»). Мы полагаем, что только построение общей модели институциональных дискурсов позволит, во-первых, обнаружить спецификацию каждого из них и, во-вторых, провести сравнительный анализ дискурсов.

В качестве вывода отметим, что разработка многопараметральной модели политического дискурса, позволяет, по нашему мнению, не только объединить научный инструментарий исследовательских направлений междисциплинарной сферы, но получить новую методологическую основу для изучения не только политического, но и иных институциональных дискурсов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Карасик В.И.* Структура институционального дискурса [Текст] / В.И. Карасик // Проблемы речевой коммуникации. — Саратов: Изд-во саратовского университета, 2000. — С.25—33.
2. *Касвин И.Т.* Дискурс-анализ как междисциплинарный метод гуманитарных наук // Эпистемология и философия науки. — т.Х., № 4, 2006 — С. 5—17.
3. *Кожемякин Е.А.* Дискурс-анализ в современном гуманитарном знании [Текст] / Е.Кожемякин // Человек. Сообщество. Управление. — 2006. — №3. — С. 25—40.
4. *Кожемякин Е.А.* Межинституциональные связи политического дискурса [Текст] / Е.Кожемякин, Е. Перверзев // Вестник Поморского Университета. — 2007. — № 6. — С.59—65.
5. *Кротков Е.А.* Диагностическое познание [Текст] / Е. Кротков. — Белгород: БелГУ, 2006. — 150 с.
6. *Фуко, М.* Археология знания [Текст] / М.Фуко. — СПб.: Гуманитарная академия, 2004. — 416 с.
7. *Чернявская, В.Е.* Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия [Текст] / В.Е.Чернявская. — М.: Флинта, 2006. — 130 с.
8. *Шейгал, Е.И.* Семиотика политического дискурса [Текст] / Е.Шейгал. — М.: Гнозис, 2004. — 326 с.
9. *Fairclough, N.* Critical discourse analysis [Текст] / N.Fairclough and R.Wodak // Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. — Volume 2. — London: Sage. — PP. 258—284.
10. *Pecheux, M.* Language, Semantics and Ideology / M. Pecheux. — London: Macmillan, 1982.
11. *Pedro, E.R.* (ed.) (1997) Discourse Analysis. Lisbon: Colibri Editions.
12. *Scollon, R.* Methodological interdiscursivity: an ethnographic understanding of unfinalizability [Текст] / R.Scollon // Discourse and Social Life. — London: Longman, 2000. — PP. 138—54.
13. *van Dijk, T.A.* (ed.) Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction [Текст] / T.A. van Dijk. — London: Sage Publications, 1997.
14. *Wodak, R.* Mediation between discourse and society: assessing cognitive approaches in CDA [Текст] / R. Wodak // Discourse and society. — 2006. — № 8. — P. 181.